

**Топос города в болгарской прозе 1960-х гг. —
структура и мифопоэтика**

Наталия Няголова

PhD, доцент

Великотърновский университет

5003, Т. Търновски 2, Света Гора, Велико Търново, Болгария

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

119991, Ленинские горы, д. 1, Москва, Российская Федерация

E-mail: nniagolova@abv.bg

ORCID: 0000-0001-5535-7224

Цитирование

Няголова Н. Д. Топос города в болгарской прозе 1960-х гг. — структура и мифопоэтика // Славянский альманах. 2022. № 1–2. С. 265–278.
DOI: 10.31168/2073-5731.2022.1-2.3.04

Статья поступила в редакцию 17.01.2021.

Аннотация

В статье представлены основные процессы литературного урбанизма 1960-х гг. в болгарской прозе, свидетельствующие о проницаемости соцреалистического канона и расширении его тематических и структурных границ. Намечены три новые модели, сформированные в контексте «оттепели», в которых пространство города коннотировано отрицательно. Учитываются отличия представленных моделей от советского урбанизма 1960-х гг., часто изображающего город как территорию поэзии, доверительности и связи с революционным прошлым. В исследовании прослеживается присутствие топоса «города греха» в произведениях «Запах миндаля» Павла Вежинова, «Дороги в никуда» Богомила Райнова и «Время героя» Василя Попова. В плане мифопоэтики в данном топосе выявляется архетип Вавилона, «города-блудницы», «земного города». Реконструирован генезис топоса в традиции болгарской городской прозы 1920–1940-х гг., проанализировано влияние массовой литературы. Представлена группа семантических признаков, характерных для поэтики топоса в рассматриваемых произведениях: деструкция и фрагмен-

тарность; редукция и деформация интерьера; семиотика звуков и запахов; провинциализм и космополитизм. Интерпретируется расхождение семантики топоса с основными постулатами социалистического реализма. Утверждается продуктивность данной модели в болгарской прозе 70-х гг. XX в.

Ключевые слова

Топос, урбанистика, поэтика, «оттепель», проза, мифопоэтика.

В литературном наследии болгарской «оттепели», в условиях доминирования соцреалистической эстетики, выделяется группа текстов, в которых пространство города имеет отрицательную коннотацию, в духе архетипной модели Вавилона, «города-блудницы», «земного города», «который сам не блюдет своей крепости и целости, идет навстречу своему падению, ища, кому бы отдаться и не спрашивая, кто его берет»¹.

В данной статье сделана попытка интерпретации этого варианта городского пространства и реконструкции карты поэтосферы города, той «совокупности сложных реальных и смысловых комбинаций пространственно-поэтического характера, поднимающих жизненную прагматику до уровня мифологического сознания и эстетического переживания»², по определению В. Г. Шукина. Материалом наших наблюдений будут произведения трех болгарских писателей 60-х гг. XX в. — Павла Вежинова, Богомила Райнова и Василя Попова.

На фоне эстетической конъюнктуры 1950–1960-х гг. урбанистика указанных авторов выглядит как свидетельство «оттепельного» расширения художественных границ, той деканонизации, во время которой, по словам Х. Гюнтера, «происходит прогрессирующая и необратимая эрозия соцреализма»³. Характерная концептуализация города в духе советской «оттепели», когда город становится пространством поэзии, весны и любви с домашним уютom двора и тенями революционного прошлого, в болгарской литературе отсутствует. В 60-е гг.

1 *Топоров В. Н.* Текст города-девы и города-блудницы в мифологическом аспекте // Исследования по структуре текста. М., 1987. С. 125.

2 *Шукин В. Г.* Поэтика города. Морфология поэтосферы // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки. 2013. № 7. С. 299.

3 *Гюнтер Х.* Прощание с советским каноном // *Revue des Études Slaves*. 2001. № 73-4. С. 715.

XX в. в отечественной словесности выделяются три варианта городского пространства. В так называемом «производственном романе», ведущем жанре более раннего историко-литературного периода, сохраняется утопическая проекция города, его символическое прочтение как строительной площадки для построения новой жизни. Обычно это города без истории, возникающие на новом месте и символизирующие победу «человека будущего» над природой. В 60-е гг. данный топос получает своеобразные трансформации в романах Благой Димитровой, в первую очередь в тексте «Путешествие к себе» (Пътуване към себе си, 1965). В нем в условиях строительства нового города социализма разворачивается любовно-психологическая драма героини, выявляющая ряд особенностей модернистской стилистики — поток сознания, субъективизм, гендерные оппозиции и т. д.

Второй вариант пространства города появляется в характерной для болгарской «оттепели» прозе «корнеискателей», в которой топос деревни становится основным хронотопом, репрезентирующим богатую палитру смыслов мифологического, национального и социального порядка. С одной стороны, это реакция на тяжелую коллективизацию, проведенную в конце 40-х гг. в стране, а с другой стороны, эта поэтика связана с интересом оттепельной эпохи к периферийному, маргинальному и региональному пространству и герою. В произведениях этого типа город является оппозиционным топосом, часто лишенным конкретики вплоть до отсутствия в повествовании. Он выявляет агрессивность и зло цивилизационного начала с его прагматизмом и утратой социальных и национальных «корней». К данному варианту обращаются в своих произведениях Й. Радичков, В. Попов, Н. Хайтов, Г. Мишев.

Третий вариант концептуализации городского пространства — это топос «города греха». Чаще всего в этой ипостаси выступает София. Данный вариант присутствует в произведениях городской прозы, которые составляют лишь небольшую часть литературной продукции данного периода. Мы рассмотрим три произведения, в которых город представлен как территория деструкции и отчуждения, и попытаемся составить перечень его признаков. Это повесть «Дороги в никуда» (Пътища за никъде, 1966) Богомила Райнова, новелла «Запах миндаля» (Дъх на бадеми, 1966) Павла Вежинова, а также роман «Время героя» (Времето на героя, 1968) Василя Попова.

Появление «города греха» в болгарской прозе 60-х гг. XX в. подготовлено прочной литературной традицией довоенной прозы. В текстах болгарских писателей 1920–1940-х гг. формируется урбанистическое

пространство, для которого характерны двойственность, экзистенциальная безысходность, демоническое одиночество. В диссертации, посвященной пространству города в болгарской беллетристике первой половины XX в., Александр Христов отмечает, что в данный период развития болгарской литературы «пространство города становится полем субъективных obsessions, которые изменяются из-за эмоционального заряда и мировоззрения героев»⁴. Это типический модернистский город, который воспринимается как «среда обитания человека, находящегося накануне апокалипсиса, в силу чего становится мифополагающим топосом, и в каждом из модернистских направлений создается собственный городской метамиф, отражающий картину мира...»⁵. В творчестве болгарского писателя Георгия Стаматова данная концепция города первой половины XX в. получает свое архетипическое наименование — «маленький Содом». В 40-е и 50-е гг. той же концептуализации подвергается образ города в романах Димитра Димова, где топос становится трагедийным пространством, сценой катастрофических коллизий персонажа, где появляется «безродная столица» болгарской прозы⁶. У Димова образ города следует за моделью массовой литературы с ее топосами эротизма, роскоши и тайны, но в то же самое время этот пространственный код выступает в роли «ширмы», за которой скрыты «глубинные психические состояния персонажей»⁷.

Лишь в середине 60-х гг. в болгарской прозе вновь появляется концепция изображения городского пространства, сохраняя основную пространственную структуру предыдущей традиции. «Город греха» болгарской «оттепели» фрагментарен и герметичен. Он включает ряд закрытых пространств, камерных интерьерных мизансцен, в отличие от масштабных эпических хронотопов в романах 50-х гг.

⁴ Христов А. Пространствата на града в българската беллетристика от първата половина на XX век. Автореферат на дис. труд за присъждането на научн. и образов. степен «доктор». София, 2017. С. 38.

⁵ Шмидт Н. В. Городской текст в поэзии русского модернизма. Автореферат ... канд. филол. наук. М., 2007. С. 4.

⁶ Димитрова Е. За творчеството на Д. Димов // Български литературен архив. URL: http://www.bglitarchives.org/?com=com_catalogue&view=product&Itemid=83&lang=bg&cat=10&cpos=706000000&Ptype=2 (дата обращения: 28.08.2021)

⁷ Стойчева С., Стоянова Ю. Архетипното в романите на Димитър Димов // Liternet. URL: <https://www.liternet.bg/publish/sstoicheva/dimov.htm> (дата обращения: 27.08.2021).

Действие повести Б. Райнова «Дороги в никуда» разворачивается на фоне болгарской столицы, и София представлена несколькими довольно необычными для соцреалистического хронотопа пространствами — мрачными городскими квартирами, руинами разбомбленных городских домов, баров, ресторанов и безлюдными скверами, которые восходят к пространственной модели нуара. Даже в помещениях Софийского университета царит атмосфера полумрака, уныния и застоя.

Городское пространство в прозе болгарской «оттепели» нередко подвержено деструкции. Иногда речь идет о реальных разрушениях — чаще всего это следы бомбежек англо-американских воздушных сил в конце Второй мировой войны. Этот исторический факт интересным образом освещается в романе «Отклонение» (1967) Благги Димитровой, в котором любовная история молодых людей начинается в уцелевшей мансарде полуразрушенного во время бомбежек дома. В других случаях элементы деструкции содержатся в изображении разнообразных элементов городского топоса. Все чаще в произведениях появляется домашнее пространство, имеющее номинативные характеристики гнезда, приюта, раковины⁸, но потерявшее функции уюта и защиты. Это пространство фиксирует интерес «оттепельной» эстетики к частной жизни героя, к его индивидуальному бытию, к интимным переживаниям и эмоциональным коллизиям персонажа. В отличие от советских «душевных» дворов, болгарские писатели выбирают местом действия своих произведений полупустые, полутемные, полумеблированные пространства неуютных квартир. Настоящие дома и сады появляются довольно редко, обычно они являются частью иммагинерных пейзажей снов, воспоминаний персонажа и т. д. Связь с природным началом у героев данных произведений потеряна навсегда, и это является очередным доказательством их дисгармоничной жизни. Интерьеры часто отмечены ветхостью, ущербностью, экономностью. Парикмахерша Герда — героиня новеллы «Запах миндаля» П. Вежинова — обитает в маленькой комнатке, в которой нет гардероба, но присутствуют знаки былой роскоши — комод из красного дерева, старинные часы, вытертый персидский ковер. Среди этого мнимого богатства особое место занимает выпотрошенный «großvater stühle», и это немецкое название кресла отсылает к военному времени и к воспоминаниям об осужденном Народным судом отце Герды. В этом «гнездышке под крышей» проходят свидания героини с ее гру-

8 Башиляр Г. Поэтика пространства. М., 2004. С. 50.

ственным любовником — женатым полковником, отцом двоих детей. Вежинов — один из немногих болгарских писателей-урбанистов, который превращает топос родной Софии в основной топос своей прозы. Чаще всего он пользуется предметной обстановкой повседневности как материальным эквивалентом настроения своих героев или как метафорой губительной стихии человеческой пошлости.

У Богомила Райнова городское пространство приобретает гендерную окраску — оно представлено как маскулинное пространство. Это подтверждается, в первую очередь, частотностью использования топоса кабинета. В повести «Дороги в никуда» кабинетные топосы появляются неоднократно — это кабинет высокопоставленного лица, кабинет начальника полиции Гешева, жилище-кабинет Стоева и, наконец, кабинет самого Петра Александрова. Данные локусы представлены клишированным предметным составом: письменный стол, настольная лампа, стул, кресло. Чаще всего это полутемные и тихие помещения, в описании которых иногда возникают книги и портреты. Главная их особенность — строгость и порядок. Это пространство спартанцев, демагогов и тайных маньяков. Это пространство самодостаточного бытия мужчин, имеющих свои цели и установленный годами образ жизни. Идеологические позиции Стоева и Александрова проявляются на уровне художественной предметности. Их маркируют портрет Сталина в интерьере мансарды Стоева, от которого в конце повести остается лишь светлое пятно на стене, и «уродливый бюстик Ленина», который «от бронзирования приобрел неприятный цвет латунной ручки» и который Петр засунул в шкаф вместе с остальными ненужными вещами. Оба предмета демонстрируют противоположное отношение героев не только к коммунистической идее, но к идее вообще — догматическое и фетишистское у Стоева и творческое и нравственное у Александрова. Кабинет в повести становится также пространством власти. Данная семантика обнаруживается в описаниях кабинетов начальника полиции Николая Гешева и кабинета «высокопоставленного лица».

Из героинь только Рина связана с определенным локусом. Но это чужая комната, предоставленная богатой родственницей, а ее функции не имеют ничего общего с художественной семантикой мужского кабинета. Скорее, присутствие комнаты Рины в повести соответствует семиотике будуара из поэтики массовой сентиментальной литературы XVIII–XX вв. В работе, посвященной специфике художественного пространства в прозе Кребийона-сына, Наталья Пахсарян отмечает, что «в романах данного типа будуары, ложи, укромные уголки и др. несут символическое значение, являясь не только условием, но и

выражением телесной близости; они могут быть даже истолкованы как аллегория тела»⁹. В этом смысле будуар как сугубо женское помещение становится пространственно-вещной проекцией именно телесной сущности женщины, а кабинет, наоборот, акцентирует интеллектуально-духовную сторону жизни мужчин и таким образом превращается в материальный эквивалент их личности. Чердачная комнатка Рины — «гнездышко» недолгой любви героев. Она семантически связана с сентиментальной сюжетикой чувственной близости укромностью, «позолотой» барочной мебели и рамы большого трюмо. Единственная функциональная характеристика комнаты Рины в повести — беспорядок. Просыпаясь после любовной ночи, Александров видит разбросанную повсюду одежду и белье Рины, валяющиеся на коврик дорогие туфельки. Такой беспорядок будет создавать в его собственном кабинете Мила во время своих приходов. И этот беспорядок имеет подчеркнута телесные черты — «чулки и белье на письменном столе, окурки со следами губной помады в чернильнице, плотский запах духов “Сирень” и женского тела»¹⁰. Таким образом, изображения кабинета и будуара противопоставляются в плане основной оппозиции повести: «разум — чувственность», «логика — эмоциональность», «порядок — хаос».

В романе «Время героя» неоднократно воспроизводится интерьер квартиры Калуда, который отличается необычной скромностью — белые стены, ковер, два кресла, диван. Он противопоставлен изящной обстановке дома и дачи Ивана, его со вкусом обставленному кабинету, в котором среди современной мебели его секретарша Боряна служит «говорящим предметом». Герои Василя Попова чувствуют себя неуютно в своих домах, они ищут многолюдные пространства, где могут ощутить покой и теплоту, — бары, рестораны, теннисные корты, стадионы, ночные трамваи. Актуализация публичных топосов происходит и в произведениях Вежинова и Райнова — их персонажи живут двойной жизнью, и это выражается в противопоставлении домашнего и публичного пространств. В парикмахерских, в университетских аудиториях, в ночных клубах они надеются на общение с другими людьми, на приобщение к жизни социума, но потом, разочарованные и отчаявшиеся, возвращаются в свои норы, в крошечные, убогие убежища, где «пестуют» свою боль и отчужденность.

⁹ Пахсарьян Н. Т. Специфика художественного пространства в романах Кребийона-сына // *Studia Litterarum*. 2017. № 1. Т. 2. С. 79.

¹⁰ Райнов Б. Дороги в никуда. София, 1967. С. 71.

В болгарской прозе 1960-х гг. актуализируются публичные городские топосы досуга и заботы о себе, в первую очередь — это парикмахерская как сугубо женское пространство. И у Вежинова, и у Попова данный топос представлен в «буржуазном» духе — забота о красоте сочетается с подарками и связями, превращающими уход за волосами в профессию с особым статусом. Салоны красоты в рассматриваемых текстах становятся территорией для времяпрепровождения обеспеченных дам — самодостаточных и безразличных к остальному миру. В конце 60-х отмечается усиление престижа профессий в сфере услуг и постепенная дискредитация интеллигентских профессий, для граждан социалистической Болгарии грядет эпоха 70-х с ее господством мещанства и «маленькой правды». Парикмахерская, в которой работает Герда, коннотируется негативно: «запах ацетона и химикалий, сгоревших волос, неприятной женской плоти», «невыносимая жара», «безжизненный и мертвый свет белых люстр»¹¹. Это пространство пошлости и капризов, в котором Герда мечтает о покое своей мансарды. В описании парикмахерской в романе «Время героя» доминирует значение «холод» — «холодное лицо» Марии, «холодные пальцы» Флор. Главная героиня романа говорит с парикмаршей о самом сокровенном — о любви, потому что иногда парикмахерская превращается в «биржу секретов одного города, одной страны или одной планеты»¹².

Новыми значениями «обрастает» топос ресторана и другие топосы досуга — бары, ночные клубы, кабаки. Персонажи страдают непереносимостью еды, а в повести «Дороги в никуда» эта непереносимость превращается в основной симптом болезни Александрова. Это своеобразный отказ от основных законов окружающего мира, неприятие жизни без духовных стремлений, отвержение прагматизма. Единственная сцена, связанная с едой, — это сцена расточительного ужина Ивана и Марии в романе Попова. Ужин превращается в настоящее торжество материи и роскоши. Описания каждого блюда, приборов и бокалов, вкуса еды и напитков ассоциируются с эротизмом, сладострастием. Любовные встречи Ивана с молодой Сией тоже будут иметь свой вкусовой эквивалент — банановый сок, довольно экзотический напиток для болгарской реальности времен социализма. В сценах прекрасно устроенного быта и достатка жизни Ивана

11 *Вежинов П.* Дъх на бадеми // Избрани произведения в 4 тома. Разкази, новели. София, 1984. Т. 1. URL: <https://chitanka.info/text/45690-duh-na-bademi> (дата обращения: 12.09.2021).

12 *Попов В.* Времето на героя. София, 1979. С. 14

чувствуется то отрицание самодовольной жизни мещан и номенклатурных работников, которое станет важным акцентом в болгарской литературе 70-х, «периода двух канонов»¹³, в произведениях Г. Мишева, Р. Ралина, К. Павлова и др.

Основным лекарством от всех жизненных драм становится алкоголь. У Вежинова Герда и Жени выпивают «по-женски» в кабаке с названием «Тоннель», в котором воздух переполнен «нервными импульсами» и «хрипло и нестройно» играет оркестр¹⁴. Любовная история Александрова и Рины развивается на фоне целого ряда питейных заведений — Венской кондитерской, «Максим-бара», пивной на велодроме. Ассортимент напитков — самый разнообразный: белое вино, вермут, коньяк, мастика, «что-то терпкое и холодное». Герои слишком много курят и разговаривают с официантами и барменами как с близкими знакомыми. У Попова пространство бара превращается в призрачное место, в особую эмблему «следующего поколения, которое быстро привыкает к наслаждениям, консумации и удовольствиям»¹⁵. Калуд мечтает о «маленьких ночных рюмочных», куда можно зайти ночью и выпить ракии.

Самая яркая особенность «города греха» болгарской «оттепели» — это преобладание телесности. Все персонажи рассматриваемых произведений становятся ее жертвами. Телесность обычно несет негативную коннотацию, и она проявляется как греховная страсть или болезнь. Во всех текстах любовные истории связаны с супружеской неверностью — полковник изменяет жене с Гердой, Буби — с Риной, Мария влюбляется в Калуда — самого близкого друга ее супруга. Не только семейная жизнь, но и любая попытка сближения и взаимности терпит крах. Город становится пространством личных драм, и его атмосфера отмечена ощущением всеобщего неблагополучия. В 60-е в болгарскую прозу возвращаются темы самоубийства, убийства и болезни как выражения деструкции тела. Полковник пускает себе пулю в лоб после расставания с Гердой; в конце повести Богомила Райнова его герой Александров умирает от желтухи, а Иван неоднократно проигрывает в своем воображении сцену, в которой он убивает свою жену и ее любовника. Единственная возвышенная и счастливая лю-

13 *Дойнов П.* Соцреализъм и алтернативи: аспекти на каноничността. Към нова история на литературата от периода на НРБ. URL: http://www.ebox.nbu.bg/nuova/view_lesson.php?id=7 (дата обращения: 12.09.2021).

14 *Вежинов П.* Дъх... URL: <https://chitanka.info/text/45690-dyh-nabademi> (дата обращения: 12.09.2021).

15 *Попов В.* Времето... С. 31.

бовная история в трех произведениях — это брак Доктора и его жены в романе «Время героя», но и она заканчивается трагично — супруга умирает от лейкемии. «Мифотворец» Калуд сравнивает Доктора с древним хронистом, пишущим одно-единственное слово на своей колонне, и это слово — любовь.

Ночь, сумерки, мрак — это время суток, в которое проявляется драматизм существования героев трех произведений и которое часто становится синонимом жизненной катастрофы и смерти. Среди темноты и тумана «город скрипит как старая дверь»¹⁶. Полковник в новелле «Запах миндаля» идет к гибели по темным городским улицам и как слепой сталкивается с деревьями и столбами. Бездной мрака начинается битва Александра с болезнью, и в финале повести «сумерки вне времени» поглощают героя.

Пессимизм и скептицизм определяют атмосферу трех произведений. В таком же духе конструируется и календарь города. Из него исчезает весна — излюбленное время года советских шестидесятников с ее надеждами и импульсами к возрождению. В болгарских произведениях царит осень — унылая, дождливая, туманная, или какое-то бесконечное межсезонье с мокрым снегом и ледяным ветром. Такая же сырая, мрачная погода властвует и над другими городами мира — над Лондоном, по которому бродят Калуд и Иван, над Осло, о котором грезят молодая девушка в баре и пожилой Маэстро, даже над воображаемой страной Джумблей из переводов Калуда. Непогода — это знак вселенской деструкции и дисгармонии, это сезон незащищенности человека.

Город в произведениях Вежинова, Райнова и Попова выступает как «проклятое место», как топос греха и безнадежности. Данный топос позволяет рассмотреть разные аспекты «дьявольской урбанистики» 20–40-х гг. Но это уже не «типический болгарский провинциальный город, сохраняющий бытовую и природную пластику, атмосферу родного пространства»¹⁷, который чаще всего интересует авторов довоенного поколения. В произведениях 60-х это прежде всего София, «безродная» столица страны, которая лишена своего исторического прошлого и представлена как город пороков и безысходности. В конце произведений герои оказываются более несчастными и одинокими, чем в начале, они не находят утешения ни в семье, ни в работе, ни в обществе. Таким образом, разрушен

¹⁶ Там же. С. 48.

¹⁷ *Игов С.* История на българската литература 1878–1944. София, 1991. С. 376.

основной инициационный соцреалистический сюжет и его оптимистическая историческая перспектива, представляющие человеческую жизнь как путь к счастью, а исторический процесс как линейное, поступательное движение от времен «тюрьмы народов» к светлому коммунистическому будущему. Герои Вежинова, Райнова и Попова оказываются вне концепции об «истории человечества как истории борьбы классов», в которой «вся предшествующая история есть подготовительная стадия к возникновению бесклассового общества»¹⁸, несмотря на их клятвы в верности коммунистической идее. Окружающая их жизнь оказывается печальнее, сложнее, безнадежнее, чем они ожидали, она переполнена звуками, запахами, эмоциями. Инструментарий болгарских урбанистов 60-х следует за опытом модернистов первой половины XX в. с их интересом к одорическому, аудиальному, предметному кодам.

Подводя итоги, укажем на один семиотический нюанс в интерпретации города в рамках рассматриваемого направления болгарской прозы 1960-х гг. Город в романе В. Попова имеет и свою светлую половину, отличаясь этим от мрачных «маленьких Содомов» Вежинова и Райнова. Он раздираем сомнениями и противоречиями, в нем «человеческая жизнь оказывается под угрозой», но вместе с тем город образует необычные семантические сцепления с городами разных стран и континентов. Таким образом он становится проекцией глобального Города-Мира из снов Калуда, «Республикой человечества», на стадионах которой молодежь и старики скандируют «Тихо-тихо-тихо» и запускают в небо тысячи голубей.

В 70-е гг. пессимистический урбанизм болгарских «шестидесятников» получит продолжение в прозе Эмилияна Станева, в которой топос «города греха» будет тесно связан с древней болгарской столицей Велико-Тырново и с катаклизмами отечественной истории.

Источники и литература

Баиляр Г. Поэтика пространства. М.: РОССПЭН, 2004. 376 с.

Вежинов П. Дъх на бадеми // Избрани произведения в 4 тома. Разкази, новели. София: Български писател, 1984. Т. 1. URL: <https://chitanka.info/text/45690-dyh-na-bademi> (дата обращения: 12.09.2021).

18 *Литовская М. А.* Социалистический реализм в литературе XX века // Филологический класс. 2008. № 19. С. 20.

Гюнтер Х. Прощание с советским каноном // *Revue des Études Slaves*. 2001. № 73-4. С. 713–718.

Димитрова Е. За творчеството на Д. Димов // Български литературен архив. URL: http://www.bglitarchives.org/?com=com_catalogue&view=product&Itemid=83&lang=bg&cat=10&cpos=706000000&Ptype=2 (дата обращения: 28.08.2021).

Дойнов П. Соцреализъм и алтернативи: аспекти на каноничността. Към нова история на литературата от периода на НРБ. URL: http://www.ebox.nbu.bg/nuova/view_lesson.php?id=7 (дата обращения: 12.09.2021).

Игов С. История на българската литература 1878–1944. София: АИ «Проф. Марин Дринов», 1991. 444 с.

Литовская М. А. Социалистический реализм в литературе XX века // Филологический класс. 2008. № 19. С. 14–21.

Пахсарьян Н. Т. Специфика художественного пространства в романах Кребийона-сына // *Studia Litterarum*. 2017. № 1. Т. 2. С. 76–89.

Попов В. Времето на героя. София: Народна младеж, 1979. 319 с.

Райнов Б. Дороги в никуда. София: Издательство литературы на иностранных языках, 1967. 224 с.

Стойчева С., Стоянова Ю. Архетипното в романите на Димитър Димов // *Liternet*. URL: <https://www.liternet.bg/publish/sstoicheva/dimov.htm> (дата обращения: 27.08.2021).

Топоров В. Н. Текст города-девы и города-блудницы в мифологическом аспекте // *Исследования по структуре текста*. М.: Наука, 1987. С. 121–132.

Христов А. Пространствата на града в българската белетристика от първата половина на XX век. Автореферат на дис. труд за присъждането на научн. и образов. степен «доктор». София: СУ «Св. Климент Охридски», 2017. 474 с.

Шмидт Н. В. Городской текст в поэзии русского модернизма. Автореферат на соиск. уч. степени канд. филол. наук. М.: МГПУ, 2007. 20 с.

Щукин В. Г. Поэтика города. Морфология поэтосферы // *Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки*. 2013. № 7. С. 299–336.

References

Bashlyar, G. *Poetika prostranstva*. Moscow: ROSSPEN, 2004, 376 p.

Dimitrova, E. “Za tvorchestvoto na D. Dimov.” *Bŭlgarski literaturen arkhiv*, URL: http://www.bglitarchives.org/?com=com_catalogue&view=product&Itemid=83&lang=bg&cat=10&cpos=706000000&Ptype=2 (accessed: 28.08.2021).

Doïnov, P. *Sotsrealizûm i alternativni: aspekti na kanonichnostta. Kûm nova istoriia na literaturata ot perioda na NRB*. URL: http://www.ebox.nbu.bg/nuova/view_lesson.php?id=7 (accessed: 12.09.2021).

Gûnther, H. "Proshchanie s sovetskim kanonom." *Revue des Études Slaves*. 2001, no 73-4, pp. 713–718.

Hristov, A. *Prostranstvata na grada v bûlgarskata beletristika ot pûrvata polovina na XX vek*. Doctoral Thesis. Sofia: SU "Sv. Kliment Ohridski", 2017, 474 p.

Igov, S. *Istoriia na bûlgarskata literatura 1878–1944*. Sofiya: AI "Prof. Marin Drinov", 1991, 444 p.

Litovskaia, M. A. "Sotsialisticheskiï realizm v literature XX veka." *Filologicheskiï klass*, 2008, no 19, pp. 14–21.

Pakhsar'ian, N. T. "Spetsifika khudozhestvennogo prostranstva v romanakh Krebîiona-syna." *Studia Litterarum*, 2017, no 1, vol. 2, pp. 76–89.

Popov, V. *Vremeto na geroia*. Sofia: Narodna mladezh, 1979, 319 p.

Raïnov, B. *Dorogi v nikuda*. Sofia: Izdatel'stvo literatury na inostrannykh iazykakh, 1967, 224 p.

Shchukin, V. G. "Poetika goroda. Morfologiia poetosfery." *Eïdos. Al'tmanakh teorii ta istorii istorichnoi nauki*, 2013, no 7, pp. 299–336.

Shmidt, N. V. *Gorodskoi tekst v pozii russkogo modernizma*, Moscow: MGPU, 2007, 20 p.

Stoicheva S., Stoianova Iu. "Arkhetipnoto v romanite na Dimitûr Dimov." *Liternet*, URL: <https://www.liternet.bg/publish/sstoicheva/dimov.htm> (accessed: 27.08.2021).

Toporov, V. N. "Tekst goroda-devy i goroda-bludnitsy v mifologicheskom aspekte". *Issledovaniia po strukture teksta*. Moscow: Nauka, 1987, pp. 121–132.

Vezhinov, P. "Dûkh na bademi." *Izbrani proizvedeniia v 4 toma. Razkazi, noveli*. Sofia: Bûlgarski pisatel, 1984. Vol. 1, URL: <https://chitanka.info/text/45690-dyh-na-bademi> (accessed: 12.09.2021).

DOI 10.31168/2073-5731.2022.1-2.3.04

N. Nyagolova

The topos of the city in the Bulgarian prose from the 1960s. Its structure and mythopoetics

Natalia Nyagolova

Candidate of Letters, associate professor

Veliko Tarnovo University

5003, T. Tarnovski 2, Sveta Gora, Veliko Tarnovo, Bulgaria

Lomonosov Moscow State University

119991, Leninskie gory 1, str. 51, Moscow, Russian Federation

E-mail: nnyagolova@abv.bg

Citation

Nyagolova N. The topos of the city in the Bulgarian prose from the 1960s. Its structure and mythopoetics // *Slavic Almanac*. 2022. No 1–2. P. 265–278 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2022.1-2.3.04.

Received: 17.01.2021.

Abstract

The article depicts the main processes of literary urbanism in the 1960s in the Bulgarian prose, which witness the permeability of the socialist realist canon and the expansion of its thematic and structural boundaries. Three new models of negatively connoted city space that came into being in the context of the “Thaw” are outlined. The differences between the presented models and the Soviet urbanism of the 1960s, which often presents city as a territory of poetry, trust and connection with the revolutionary past, are taken into account. The present article traces the presence of the topos of the “sinful city” in Pavel Vezhinov’s *Smell of Almonds*, Bogomil Rainov’s *Roads to Nowhere* and Vassil Popov’s *The Time of the Hero*. The author reconstructs the genesis of the given topos in the tradition of Bulgarian urban literary fiction from the 1920s to the 1940s and analyzes the influence of mass literature. A group of semantic features typical for the poetics of this topos in the considered works is presented, such as:

- destruction and fragmentation;
- incompleteness and deformation of the interior;
- semiotization of sounds and aromas;
- provincialism and cosmopolitanism.

The confrontation of the topos with the basic postulates of the socialist realism as well as the productivity of the given model in the Bulgarian literary fiction of the 1970s is outlined.

Keywords

Topos, literary urbanism, poetics, “Thaw”, prose, mythopoetics.